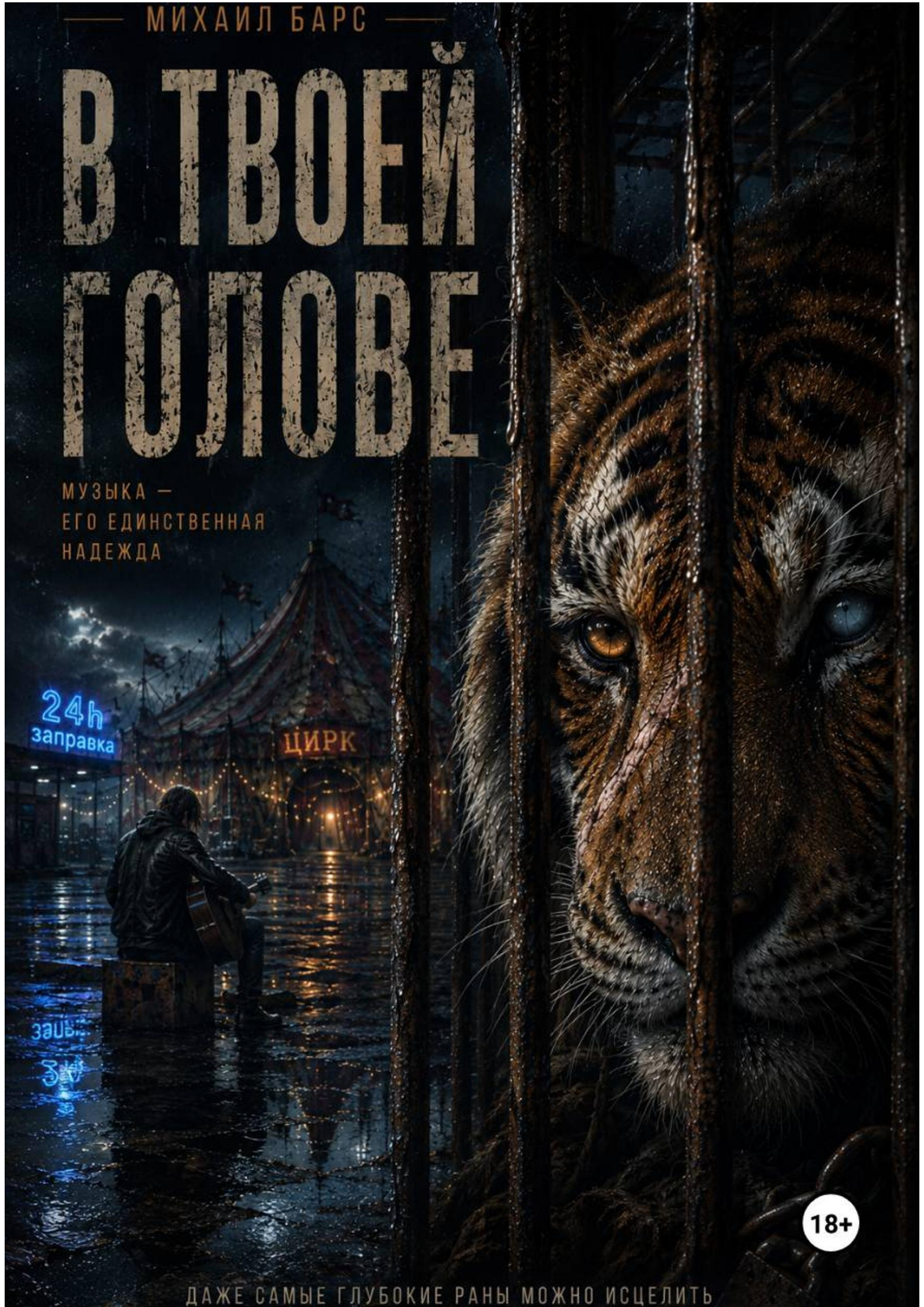

МИХАИЛ БАРС

В ТВОЕЙ ГОЛОВЕ

МУЗЫКА —
ЕГО ЕДИНСТВЕННАЯ
НАДЕЖДА

18+

ДАЖЕ САМЫЕ ГЛУБОКИЕ РАНЫ МОЖНО ИСЦЕЛИТЬ

Михаил Барс
В твоей голове

«Автор»

2026

Барс М.

В твоей голове / М. Барс — «Автор», 2026

Алексей гитарист, давно разучившийся верить в себя и в музыку. Он играет в дешёвых клубах за еду, пьёт остывший чай в пустой квартире с видом на заправку и прячет опустошённость за привычной иронией. Однажды ему поступает странный заказ: ветеринар-реабилитолог просит приехать в заброшенный цирк и сыграть для бенгальского тигра. Девять лет под хлыстом дрессировщика, клетка-купе, взрывы петард, шрамы на морде и мутный левый глаз — вот что осталось от величественного хищника. Его последний шанс музыкальная терапия. Иначе усыпление. Это повесть о двух узниках, которые освобождают друг друга. О том, как музыка становится мостом через пропасть одиночества. И о том, что даже самая глубокая рана может затянуться, если рядом есть тот, кто готов петь для тебя, когда ты не умеешь говорить. История, которая начинается в промозглой осени провинциального городка и заканчивается под жёлтой акацией африканской саванны, где бывший цирковой тигр впервые за девять лет видит над собой бескрайнее небо.

© Барс М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие от автора	5
Глава 1. Звонок	6
Глава 2. Шрамы на морде	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Михаил Барс

В твоей голове

Предисловие от автора

Внимание. Данное произведение содержит сцены жестокого обращения с животными (применение хлыста, тесная транспортировочная клетка, психологическое насилие), а также описания последствий травмы: агрессии, страха, физических увечий. Отдельные эпизоды могут вызывать сильные эмоциональные переживания у читателей, чувствительных к темам насилия, жестокости по отношению к живым существам и депрессивным состояниям. Автор не оправдывает жестокость, а напротив, показывает необходимость сострадания и возможность исцеления через искусство и человеческое отношение. **Рекомендуемый возраст — 18+.**

Аннотация: Алексей тридцатичетырёхлетний гитарист, давно разучившийся верить в себя и в музыку. Он играет в дешёвых клубах за еду, пьёт остывший чай в пустой квартире с видом на заправку и прячет опустошённость за привычной иронией. Однажды ему поступает странный заказ: ветеринар-реабилитолог просит приехать в заброшенный цирк и сыграть... для бенгальского тигра. Девять лет под хлыстом дрессировщика, клетка-купе, взрывы петард, шрамы на морде и мутный левый глаз — вот что осталось от величественного хищника, которого зовут Шерхан. Его последний шанс музыкальная терапия. Иначе усыпление.

Между выгоревшим музыкантом и искалеченным зверем завязывается диалог без слов. Алексей пробует разные жанры и понимает: тигр ненавидит марши и чёткие ритмы. Они напоминают ему о дрессировке и боли. Но одна старая песня, «Zombie» The Cranberries, с её ломаным ритмом и криком, рвущимся из тишины, находит путь туда, куда не дотягиваются таблетки и скальпель. В голосе гитариста зверь слышит не команду, а правду. Свою правду. И отвечает.

Это повесть о двух узниках, которые освобождают друг друга. О том, как музыка становится мостом через пропасть одиночества. И о том, что даже самая глубокая рана может затянуться, если рядом есть тот, кто готов петь для тебя, когда ты не умеешь говорить. История, которая начинается в промозглой осени провинциального городка и заканчивается под жёлтой акацией африканской саванны, где бывший цирковой тигр впервые за девять лет видит над собой бескрайнее небо.

Глава 1. Звонок

Телефон зазвонил, когда Алексей допивал третью кружку остывшего чая и смотрел, как октябрьский дождь размазывает по оконному стеклу огни заправки напротив. Чай был чёрный, дешёвый пакетированный, заваренный второй раз и от этого горчил и пах не столько бергамотом, сколько картонной коробкой, в которой хранился. Но ему было всё равно. Он вообще давно перестал различать оттенки вкуса в еде, в питье, в музыке и в жизни.

Квартира вокруг него тонула в густом сизом полумраке. Света он не зажигал принципиально, электричество было оплачено ещё на три дня вперёд, но привычка экономить вьелась глубже, чем нужды. Единственным источником освещения служила заправка: её неоновая вывеска. Холодный синий прямоугольник с белыми буквами бросал дрожащий отсвет на ободранные обои, на стопку пыльных пластинок у проигрывателя, на гитарный чехол, прислонённый к батарее, как уставший путник. В этом свете всё казалось мёртвым, выцветшим, словно старая фотография, которую слишком долго держали на солнце.

Стандартная, резкая, та самая, которую он поленился сменить, когда покупал телефон три года назад, мелодия вызова резанула тишину пустой квартиры, как скальпель. Алексей не сразу пошевелился. Он вообще никуда не торопился. Ни к телефону, ни по жизни. Тридцать четыре года, глубокая колея, из которой не видно неба. Пауза длилась ровно столько, чтобы дать звонящему понять: здесь не ждут гостей, даже их голосовых.

На четвёртом гудке он всё-таки потянулся через засаленный, с кругами от бесчисленных кружек стол, сгрёб телефон длинными пальцами. Мозоли на подушечках привычно заныли от прикосновения к холодному пластику. Это была старая, знакомая боль: за годы игры кожа на кончиках пальцев загрубела, стала похожа на воск, но под этим воском всегда жила тупая ноющая чувствительность, как память о том, что струны врезаются в плоть, если играть слишком отчаянно. Он поднёс телефон к уху.

— Алексей? — женский голос, незнакомый, с хрипотцой человека, который много говорит шёпотом в помещениях, где шёпот необходим. — Меня зовут Мария Ильинична. Я ветеринар-реабилитолог. Ваш номер мне дал Павел из клуба «Гнездо», он сказал, вы не отказываетесь от... необычных заказов.

Алексей хмыкнул, откинувшись на спинку продавленного стула. Та скрипнула. Жалобно, протяжно. Кожаная куртка, висевшая на спинке, отозвалась тихим шорохом, словно тоже ожила. «Не отказывается.» Хорошая формулировка. За последние два месяца он сыграл в «Гнезде» четыре раза. Каждый раз за еду, выпивку и символическую плату, которую Павел, хозяин клуба, совал ему в карман со словами «премия за душевность». Душевность. Смешно.

Он играл на автомате. Те же аккорды, те же песни, что и десять лет назад. Единственным признаком жизни в его исполнении была техническая чистота. Но Павел, лысеющий здоровяк с золотым зубом и нюхом на всё необычное, зачем-то продолжал его звать. Видимо, чуял в этом унынии какую-то странную, извращённую аутентичность.

— Допустим, — сказал Алексей, разглядывая тонкий белый шрам над левой бровью в отражении тёмного экрана телефона. Шрам был старый, лет десяти, не меньше. Память о драке у подъезда того самого клуба, когда какой-то перебравший байкер решил, что гитарист слишком заунывно поёт и портит ему вечер. Бутылка, удар, кровь. Ерунда. Но сегодня шрам казался бледнее обычного. Усталость вымывала краски даже из старых отметин. — Что за заказ?

— Сеанс музыкальной терапии.

Алексей моргнул. Пальцы левой руки (та самая, которая зажимает аккорды) машинально перебрали воображаемую последовательность на столешнице. Безымянный, мизинец, указательный. D-moll. Самый грустный аккорд, по мнению какого-то композитора, чью фамилию он забыл. Или не забыл. Просто не хотел вспоминать. Слишком пафосно она звучала.

— Простите?

— Мне нужен музыкант, — голос Марии Ильиничны звучал спокойно, размеренно, словно она предлагала купить билет на электричку. — Гитарист и вокалист. Чтобы сыграть и спеть для одного моего пациента. Оплата в конверте наличными, сумма достойная.

Он уловил эту интонацию: «достойная» было сказано без хвастовства, но с тем особым весом, какой прибегают для вещей действительно важных. Так говорят врачи о шансах на выздоровление, адвокаты о сроках, а чиновники о взятках. Он помолчал, прокручивая в голове варианты. Музыкальная терапия. Он слышал об этом краем уха: какие-то клиники для богатых, где нервы лечат вибрациями, где Моцарт и шум прибоя вперемешку с ароматерапией. Модная, дорогая ерунда. Но голос в трубке не походил на голос модной шарлатанки. В нём было что-то другое. Усталость, смешанная с негибкостью, как у монахинь, которые всю жизнь выхаживают прокажённых и уже не удивляются тому, что мир — это боль.

— Пациент ребёнок или взрослый?

Пауза. Короткая, на один вдох, но достаточная, чтобы Алексей понял.

— Бенгальский тигр, — сказала ветеринар. — Девять лет, самец. Кличка Шерхан. Его изыняли из передвижного цирка, который гастролировал здесь, в области. Животное в тяжёлом психологическом состоянии, агрессия зашкаливает. Если не снимем стресс в течение двух недель, то перевод в заповедник невозможен, остаётся только усыпление.

Дождь за окном усилился, капли забарабанили по жестяному отливу с такой силой, словно кто-то швырял в стекло мелкую гальку. Далёкая, беззвучная вспышка молнии на секунду высветила контуры заправки: бензоколонки, пустая площадка, одинокий грузовик с прицепом. Алексей представил тигра. Почему-то из детской книжки, которую ему читала мама: ярко-оранжевый, с чёрными полосами, как оживший факел, лениво жмурящийся на солнце. Картинка не вязалась со словом «усыпление». Усыпляют старых, больных, безнадёжных. Не факелы.

— Почему именно музыка? — спросил он, стараясь сохранить ироничный тон, за которым привык прятать всё: от смущения до страха, от надежды до отчаяния. Ирония была его панцирем, его второй кожей, его кожаной курткой для души. — И почему я?

— Потому что традиционные методы не работают, — ответила она без тени раздражения, терпеливо, как объясняют ребёнку. — Седативы дают временный эффект, контакт с людьми исключён. Он бросается на решётку при любом приближении. Трое моих ассистентов отказались входить в вольер даже вдвоём. Но я давно занимаюсь реабилитацией диких животных и заметила одну вещь: определённые звуковые частоты, ритмы, тембры иногда доходят туда, куда не достаёт фармакология. До лимбической системы, до миндалевидного тела, до того древнего, первобытного, что живёт в каждом из нас и не понимает слов, но понимает звук. — Она сделала паузу, словно проверяя, не перегрузила ли собеседника. — А вы, по словам Павла, играете так, что даже пьяные байкеры плачут.

Алексей тихо рассмеялся. Без веселья, скорее с горьким удивлением. Плачут. Он помнил тот вечер в «Гнезде»: он пел старую балладу, что-то из репертуара позднего Высоцкого, то ли «Кони привередливые», то ли «Охоту на волков», и один здоровенный детина в кожаной жилетке, с татуировкой в виде черепа на бицепсе, действительно уткнулся лицом в ладони и сидел так, пока не закончилась песня. Потом встал, молча положил на сцену смятую купюру и ушёл в дождь. Алексей тогда не испытал ничего. Ни гордости, ни сочувствия, ни даже простого человеческого тепла. Просто отработанные аккорды, поставленный годами голос, ремесло. Никакой магии. Он отыграл, собрал медиаторы, выпил водки с Павлом и поехал домой. В эту самую квартиру, к этому самому столу, к этому самому виду на заправку.

— Сколько? — спросил он.

Мария Ильинична назвала сумму. Она была достойной не только по словам, она была достаточной, чтобы закрыть долг за квартиру, заплатить вперёд за два месяца, купить нормаль-

ные струны (а не те ржавые обрубки, что дребезжали на грифе), и ещё осталось бы на месяц скромной, но сытой жизни. Сумма была такой, за которую он когда-то играл свадьбы и корпоративы. Целый вечер, до седьмого пота, до кровавых мозолей. А здесь один сеанс. Для тигра. В цирке на окраине.

На мгновение в его голове мелькнула мысль, что всё это какой-то глупый розыгрыш. Может, Павел решил развлечься, подговорил знакомую тётку, и сейчас они вместе смеются где-нибудь в баре, представляя, как Алексей тащится через весь город с гитарой наперевес, чтобы петь полосатому хищнику. Но голос Марии Ильиничны... Её хрипотца, её стальной подклад, её усталая размеренность... Исключал розыгрыш. Так не шутят. Так говорят те, кто слишком много видел, чтобы тратить время на притворство.

— Адрес, — сказал Алексей.

Она продиктовала. Окраинная улица, пустырь за старым элеватором. Он знал это место: несколько раз проезжал мимо, когда ездил на оптовый рынок за дешёвыми струнами. Там всегда было пусто, пыльно летом и грязно осенью, а единственным ориентиром служил ржавый остов элеватора, похожий на скелет доисторического чудовища.

— Когда? — спросил он.

— Сегодня. Через два часа. Устроит?

Он хотел было по привычке съязвить. Что-нибудь про «а не желаете ли вы, чтобы я ещё и подтанцовку привёз?», но сдержался.

— Устроит.

Она отключилась, не попрощавшись. Гудки короткие, отрывистые зазвучали в трубке, и Алексей ещё несколько секунд держал телефон у уха, словно ожидая продолжения. Потом положил его на стол, экраном вниз, и посмотрел на свои руки.

Длинные пальцы. Мозоли на подушечках от стали, от нейлона, от бесконечных часов упражнений, которые никуда его не привели. Тонкий белый шрам над левым запястьем. Не суицидальная попытка, как могли бы подумать романтически настроенные барышни, а глупая случайность: порезался о край разбитого зеркала, когда собирал вещи после ухода очередной женщины. Женщины всегда уходили от него. Кому нужен замкнутый скептик с вечным привкусом иронии на губах и пустотой в глазах? И каждый раз он оставался один в опустевшей квартире, среди осколков и пыли.

Он встал, подошёл к батарее, поднял гитарный чехол. Расстегнул молнию. Она заедала, как всегда, на середине. И извлёк инструмент. Старый «Cort», купленный ещё в юности на деньги, заработанные мытьём машин в автосервисе. Дерево потемнело от времени, лак потрескался мелкой паутиной, но звук оставался чистым и глубоким. Единственное, что он не сумел испортить. Он проверил строй, подкрутил колки, пробежался пальцами по грифу. Привычка, молитва без слов.

Положив гитару обратно, он подошёл к окну. Дождь немного стих, превратился в мелкую водяную пыль, висящую в воздухе. Заправка по-прежнему горела синим, но теперь к ней прибавился свет фар: какой-то автомобиль свернул с трассы и замер у колонки. Из машины вышел человек в плаще, зевнул, потянулся к пистолету для заправки бака. Обычная ночь. И где-то на окраине, в ржавой клетке, сидит тигр, которому осталось две недели, если какой-то гитарист-неудачник не сотворит чудо.

Алексей усмехнулся своему отражению в стекле. Отражение было бледным, с тёмными кругами под глазами, с резкими тенями у скул. Глубоко посаженные глаза смотрели на него с выражением, которое он давно перестал пытаться разгадать. Может быть, это была усталость. Может быть надежда, которую он не хотел признавать даже перед самим собой.

Он надел куртку. Кожа была холодной, влажной на ощупь. Она ещё не просохла после вчерашнего возвращения из клуба, но пахла привычно: старым деревом и чем-то металличе-

ским. Он сунул в карман медиатор, телефон, бумажник с оставшимися наличными. Потом взял гитару и вышел.

«Лада» завелась с третьего поворота ключа. Как всегда. Двигатель закашлял, зачихал, но ожил, и салон наполнился запахом бензина и сырости. Алексей бросил чехол на заднее сиденье, сел за руль и выехал со двора, разбрызгивая лужи. Город в этот час был пуст: рабочий день кончился, вечер ещё не начался, и улицы заполняла та особенная, вязкая тишина, какая бывает только в провинциальных городках в межсезонье. Мокрый асфальт отражал огни фонарей, светофоры мигали жёлтым, прохожие жались к стенам домов, прячась от ветра.

Он ехал и думал о тигре. О том, как зверь реагирует на звук. О том, что сказала Мария Ильинична про лимбическую систему. Она явно знала своё дело, бросалась терминами, но без желания произвести впечатление, просто констатировала факты. И ещё он думал о Павле, который дал его номер. Что Павел знал? Что он видел в нём, в этом усталом, выгоревшем музыканте, такого, что могло пригодиться для спасения дикого зверя?

Ответа не было. Как не было ответа на многие вопросы, которые он перестал задавать себе после тридцати.

Окраина встретила его запахом прелой листвы и ржавчины. Огромный, приземистый, с облупившейся краской элеватор вырос из тумана, как сторожевой бастион на границе обитаемого мира. За ним, на пустыре, угадывались очертания цирка: купол шатра, вагончики, фургоны. Всё это выглядело так, словно его забыли здесь много лет назад.

Цирк расположился на пустыре за старым элеватором, и издали он казался миражом, случайно забредшим в эти края из какой-то другой, более яркой и шумной реальности. Шатры выщвели от дождей и солнца, красные и жёлтые полосы поблёкли до грязно-розового и серого, как старая карамель, которую слишком долго сосали. Над входом болталась гирлянда перегоревших лампочек, они позвякивали на ветру, издавая звук, похожий на перебор расстроенных колокольчиков. Афиша на фанерном щите, прибитая одним гвоздём, хлопала на ветру, обещающая «Удивительного бенгальского тигра Шерхана! Единственного в мире! Укрощение огнём и хлыстом!». Буквы облупились, тигр на фотографии выглядел неестественно. Не живым зверем, а плохо набитым чучелом, которое выставили на потеху публике. И слово «укрощение» с восклицательным знаком, с претензией на триумф, сейчас читалось как злая насмешка.

Алексей припарковал выдавшую виды «Ладу» у ржавого забора, который, казалось, держался исключительно на многолетних наслоениях грязи и краски. Вышел под морозящий дождь. Потёртая кожаная куртка сразу отсырела, запахло мокрой кожей и застарелым сигаретным дымом. Он курил в машине, несмотря на обещания бросить, данные самому себе в очередной день рождения. Дым въелся в подкладку, в швы, в самую суть этой куртки, которая была с ним столько лет, что он уже не помнил, как она выглядела новой. Глубоко посаженные глаза шурились от ветра, мелкие капли оседали на ресницах. Он нащупал в кармане медиатор. Старый, истёртый по краям, с логотипом какого-то давно забытого фестиваля. И сжал его в кулаке, как талисман. Это был глупый жест, почти суеверный, но он повторял его каждый раз перед выходом на сцену. И сейчас, хотя сцены не было, а была только грязная площадка перед облезлым шатром, жест остался.

Мария Ильинична ждала у входа в административный вагончик. Приземистое сооружение на колёсах, выкрашенное когда-то в зелёный, а теперь в цвет плесени. Женщина стояла, засунув руки в карманы бесформенного серого пальто, и, казалось, не замечала дождя. Невысокая, с гладко зачёсанными сидящими волосами, которые намokли и потемнели, она походила на учительницу начальных классов, вышедшую на пенсию, но сохранившую привычку к порядку. Однако лицо её с тонкими, почти незаметными морщинами, с плотно сжатыми губами казалось бы незапоминающимся, если бы не глаза. Светлые, почти прозрачные, как вода в лесном озере, они смотрели с тем спокойным, нестигаемым вниманием, какое бывает у

людей, слишком много раз видевших чужую боль, чтобы бояться её. У людей, которые знают: страх — это роскошь, доступная тем, кто ещё не брал на себя ответственность за жизнь другого.

— Вы пунктуальны, — сказала она вместо приветствия. Голос звучал так же, как в трубке: мягко, с хрипотцой, но теперь Алексей услышал в нём металл. Ту самую ноту, которая превращает мягкость не в слабость, а в силу. — Пройдёмте. Только сразу предупреждаю: не делайте резких движений, не смотрите ему прямо в глаза дольше пары секунд. Для него это вызов.

— Я не собираюсь вызывать на дуэль тигра, — буркнул Алексей, шагая следом по раскисшей земле. Грязь чавкала под подошвами, впитываясь в стёртую кожу ботинок.

— Вы удивитесь, сколько людей делают это неосознанно, — ответила она, не оборачиваясь. — Прямой взгляд в глаза — это на языке хищников либо агрессия, либо приглашение к драке. Люди забывают об этом, потому что привыкли считать взгляд знаком доверия. Но он — тигр, а не человек. То, что для нас открытость, для него угроза.

Алексей ничего не ответил. Он подумал, что сам давно избегает прямых взглядов и, возможно, у них с тигром есть что-то общее. Больше, чем хотелось бы признавать.

Они обогнули большой шатёр. Брезент его был покрыт заплатами, швы разошлись в нескольких местах, и сквозь дыры виднелась темнота. Глухая, пыльная, пахнущая опилками и старым потом. От шатра веяло запустением. Не тем временным, которое бывает в межсезонье, когда цирк уезжает на гастроли, а окончательным, безнадежным, как от дома, из которого вынесли мебель. За шатром обнаружился целый городок: несколько вагончиков, фургон с проржавевшим кузовом, и ряд клеток на колёсах. Больших, обитых железом, с решётками впереди. Большинство клеток пустовало: двери распахнуты, на полу остатки соломы, пустые миски, перевёрнутые поилки. Цирк, по-видимому, давно не гастролировал в полном составе. Но в дальней, самой большой клетке, угадывалось движение.

Запах ударил в нос раньше, чем Алексей разглядел зверя. Густой, мускусный, с примесью аммиака и старой крови. Тот специфический дух, какой бывает только в зверинцах, где животные содержатся в тесноте и страхе. Он вызывал не отвращение даже, а какую-то древнюю, инстинктивную тревогу, защиту глубоко в подкорке. Клетка была накрыта брезентом с трёх сторон, возможно, чтобы защитить тигра от ветра и дождя, а возможно, чтобы он не видел мир, в котором был пленником. Открытой оставалась только передняя решётка: толстые прутья, местами тронутые ржавчиной, с частым переплетением, исключаяющим даже попытку просунуть лапу. Внутри, в полумраке, металась тень.

— Шерхан, — негромко произнесла Мария Ильинична, и тень замерла.

Её голос прозвучал не как команда, а как констатация факта. Спокойно, без вызова, без страха. И тигр ответил на это спокойствие мгновенной, взрывной реакцией: он прыгнул.

Это случилось беззвучно, если не считать лязга прутьев, принявших на себя почти триста килограммов мышц и ярости. Огромная голова с прижатыми ушами впечаталась в решётку с такой силой, что вся клетка содрогнулась, а брезент на боковых сторонах хлопнул, словно парус под порывом ветра. Длинные, чуть сточенные, но всё ещё смертоносные жёлтые клыки мелькнули в сантиметрах от лица Алексея. Низкий, утробный, вибрирующий где-то в грудной клетке и, казалось, в самой земле под ногами рёв заставил его отшатнуться и вскинуть руки. Телефон выскользнул из кармана куртки, упал в грязь, в лужу, но он даже не заметил этого. Всё его существо, всё его внимание сосредоточилось на этой огромной полосатой морде, на этом оскале, на этом звуке, который был древнее человеческой речи. Древнее самого человека.

— Тихо! — голос Марии Ильиничны прозвучал как удар хлыста: резко, сухо, властно. И тигр, коротко, почти обиженно рыкнув напоследок, отступил на шаг. Но не ушёл в глубину клетки, не спрятался в тень. Остался стоять, припав на передние лапы, словно готовый в любой момент повторить атаку. И смотрел.

Теперь Алексей разглядел его по-настоящему.

Шерсть была тусклой, свалывшейся, с проплешинами на боках. Не от болезни, а от постоянного трения о прутья, от нервного вылизывания, от жизни, в которой не было места покою. Рёбра выпирали, но не от голода (миска в углу клетки была полна), а от постоянного напряжения мышц, никогда не знавших расслабления. Тигр был похож на сжатую пружину: даже в неподвижности он казался готовым взорваться. На морде, пересекая чёрную полосу, которая шла от внутреннего угла глаза к уху, тянулся белёсый шрам. Старый, затянувшийся грубой рубцовой тканью, оставшийся навсегда. Откуда он взялся? Удар хлыстом? Столкновение с решёткой? Стычка с другим зверем? Ответа не было, только этот белый след, похожий на молнию, застывшую на оранжевом небе. Левый глаз, мутноватый, с помутнением хрусталика, смотрел чуть в сторону. В нём не фокусировался свет, и он казался незрячим или почти незрячим. Но здоровый глаз, янтарный, прозрачный, как капля мёда, горел в полумраке, и в глубине его, в самой сердцевине радужки, не было ни злобы, ни страха. Только бесконечная, выжженная, как степь после пожара, усталость. Усталость зверя, который слишком долго терпел, слишком много потерял и уже не надеется на лучшее, но всё ещё жив. Жив вопреки всему.

Алексей стоял, вжимая мокрый медиатор в ладонь так, что тот врезался в кожу, и чувствовал, как сердце колотится где-то в горле. Часто, почти болезненно. Он не боялся. Или боялся, но не так, как боится человек при виде опасности. Его страх был другого рода. Глубокий, экзистенциальный, замешанный на узнавании. Что-то в этом звере, в его шрамах, в его мутном глазу, смотревшем словно сквозь прутья и сквозь самого Алексея, задело какую-то струну внутри. Глухую, давно не звучавшую, но всё ещё живую. Словно тигр был зеркалом, в котором он вдруг увидел не искажённое отражение, а правду.

— Вот так они и знакомятся, — тихо сказала Мария Ильинична. Её голос прозвучал почти буднично, но в нём была та особая интонация, с какой говорят о вещах одновременно трагических и привычных. — Первая встреча всегда самая тяжёлая. Он проверяет вас на прочность. На искренность. Звери чувствуют ложь лучше людей.

— Он меня чуть не достал, — сказал Алексей, поднимая телефон из лужи и вытирая его о рукав. Экран пошёл рябью, но работал.

— Если бы он хотел достать, он бы достал, — возразила она. — Вы были на расстоянии вытянутой лапы. Но он остановился. Всегда останавливается в последний момент. Потому что на самом деле он не хочет убивать. Он хочет, чтобы его оставили в покое. Или... — она запнулась, подбирая слово, — или поняли.

Алексей перевёл взгляд с тигра на неё.

— Что поняли?

— Что ему больно. Что он не монстр. Что он живой. — Мария Ильинична поправила воротник пальто, стряхивая капли. — Пойдёмте, Алексей. Я покажу вам кое-что ещё. То, что поможет вам понять его лучше.

Она развернулась и пошла к вагончику. Медленно, тяжело ступая по грязи, но не оглядываясь, словно была уверена, что он последует за ней. И он последовал, бросив последний взгляд на клетку, где тигр, всё ещё припавший на лапы, смотрел ему вслед здоровым янтарным глазом. В этом взгляде читалось что-то странное. Не угроза, не любопытство, а скорее усталое, безнадёжное ожидание. Словно зверь говорил: «Ну давай, уходи. Они все уходят».

Но Алексей не ушёл. Он только начинал.

Глава 2. Шрамы на морде

Вагончик Марии Ильиничны пах йодом, сухими травами и кофе. Этот густой, многослойный, почти осязаемый запах встретил Алексея на пороге и сразу напомнил ему больничный коридор из детства: он сидит на деревянной скамье, болтает ногами и ждёт, пока мама выйдет из кабинета с перевязанным пальцем. Резкий, медицинский, не терпящий возражений йод. Травы (шалфей, ромашка, что-то ещё, горьковатое) свисали пучками с потолочной балки, засушенные, но всё ещё хранящие память о лете. Дешёвый растворимый кофе, но щедро заваренный, стоял в жестяной кружке на краю стола, и пар от него поднимался тонкой, дрожащей струйкой, смешиваясь с остальными ароматами.

Внутри вагончик оказался больше, чем выглядел снаружи. Классический фокус пространства, какой бывает в домах на колёсах, где каждый сантиметр вынужден служить двум-тремя целям одновременно. Стены, обитые выцветшим деревом, были увешаны полками, а на полках громоздились вещи, чьё соседство казалось почти сюрреалистичным. Стеклобанки с образцами кормов соседствовали с потрёпанными справочниками по ветеринарии, пластиковые контейнеры с какими-то мазями и порошками находились рядом с фарфоровой чашкой, полной засохших цветков календулы, а старая, облезлая клетка для переноски грызунов служила подставкой для электрического чайника. Над всем этим висела лампа без абажура. Голая лампочка на кривом проводе. Её жёлтый, чуть мигающий свет придавал помещению оттенок ночной кухни, где засиделись до рассвета.

Стол, заваленный папками и пластиковыми контейнерами с образцами, занимал центральное место. Папки были разные: синие пластиковые с защёлкой, картонные с тесёмками, прозрачные файлы, набитые бумагами до предела. На некоторых виднелись наклейки: «Шерхан», «Медицинская карта», «Изъятие», «Суд». Контейнеры, подписанные маркером, держали что-то непонятное. Возможно, пробы кормов, возможно, анализы. Рядом лежал старенький ноутбук, чёрный, с потёртой клавиатурой и треснувшим уголком экрана. Он был закрыт, но индикатор питания мигал зелёным. Ждал.

Мария Ильинична, войдя первой, сняла пальто и повесила его на крючок у двери, оставшись в вязаном свитере и длинной юбке. Свитер был серым, с вытянутыми рукавами, и на локтях темнели аккуратные заплатки из другого материала. Более тёмного, почти чёрного. Она заметила взгляд Алексея и чуть усмехнулась:

— Хозяйство. В полевых условиях не до моды. Проходите, садитесь. Чаю хотите? Или, может быть, кофе? У меня есть неплохой, зерновой, но его ещё молоть надо, а растворимый уже готов.

— Растворимый, — сказал Алексей, оглядываясь в поисках свободного стула. Стул был один. Старый, венский, с гнутой спинкой и продавленным сиденьем. Он стоял у стены, заваленный стопкой журналов. Он снял журналы, положил их на пол («Ветеринарный вестник» за позапрошлый год), и сел, чувствуя, как пружины прогибаются под ним почти до пола.

Женщина налила ему кружку из термоса, протянула, и он принял её обеими руками. Кружка была горячей, с отбитой эмалью на ободке и надписью «Съезд ветеринаров-реабилитологов, 2015 год». Кофе пах горько и уютно.

— Вы давно занимаетесь реабилитацией? — спросил он, скорее для того, чтобы оттянуть неизбежный разговор о тигре, чем из настоящего любопытства.

— Двадцать три года, — ответила Мария Ильинична, садясь напротив на деревянный ящик, заменявший второй стул. — Начинала в городском зоопарке, потом ушла в полевую ветеринарию, работала в заповедниках. Байкал, Камчатка, одно время даже в Монголии, с дикими лошадьми Пржевальского. А последние восемь лет здесь, в регионе, в основном с изъятими животными. Цирковыми, частными, контрабандными. Вы даже не представляете,

Алексей, сколько диких зверей живут в этой стране в условиях, которые нельзя назвать иначе как пыточными.

— Почему же? Представляю, — сказал он, отпивая кофе. — Видел репортажи. Тигры в тесных квартирах, медведи на заправках, львы в багажниках. Но это всегда где-то далеко. Не здесь.

— А вот это здесь, — она кивнула в сторону окна, за которым темнела клетка. — В трёх километрах от вашего дома. Передвижной цирк, который восемь лет колесил по области и давал представления, а за кулисами превращал живое существо в инвалида.

Она наклонилась, включила ноутбук. Тот загудел вентилятором, экран мигнул синим, отразив на мгновение лицо Алексея: усталое, с резкими тенями под скулами, с потрёпанной чёлкой, прилипшей ко лбу от дождя. Он увидел себя и отвёл взгляд. Не любил своё отражение. Особенно в те моменты, когда оно было честным.

— Это записи, которые мы изъяли у дрессировщика, — сказала Мария Ильинична, разворачивая ноутбук экраном к гостю. — Вернее, то, что удалось восстановить. Вацлав, так зовут дрессировщика, пытался всё стереть, когда началась проверка. Но наши компьютерщики смогли восстановить данные с жёсткого диска. Кое-что осталось.

— Вацлав? — переспросил Алексей, ставя кружку на край стола.

— Господин Вашек. Местные называют его так. — Она помолчала, словно подыскивая нужные слова. — Пожилой, грузный, с сигаретой в зубах. Он дымит даже там, где это запрещено, потому что считает, что правила пишут не для него. Классический тип старого циркача: убеждён, что животные его любят, что без него они бы погибли, что его методы единственно верные, а мы, зоозащитники, просто истеричные бабы, которые угробили его карьеру и лишили куса хлеба. Он работал с тигром с двухмесячного возраста, сам выкармливал, сам дрессировал... И искренне не понимает, почему зверь в конце концов попытался откусить ему руку.

— Попытался? — Алексей вспомнил шрамы на морде тигра, его мутный глаз. — И что было потом?

— Потом его стали запирают в клетку-купе на всё время, когда не было представлений. Чтобы не бросался. Чтобы не рычал. Чтобы не напоминал о том, что он — хищник, а не плюшевая игрушка. — Она открыла папку на рабочем столе, и на экране появились значки видео-файлов. Десятки, с названиями вроде «выступление_Ш_12» или «тренировка_осень». — Вот. Смотрите.

Алексей кивнул, хотя внутри шевельнулось раздражение: какое ему дело до цирковых дрызг? Он здесь ради денег. Отработать, получить конверт, уехать. И забыть этот запах, эти глаза, этот чёртов вагончик, пропахший травами и безнадёгой. Но раздражение было привычным, он уже много лет раздражался на всё подряд, и это чувство стало для него чем-то вроде фонового шума. Он знал, что за ним прячется что-то другое, но предпочитал не копать глубоко.

Мария Ильинична нажала клавишу.

Первые кадры были почти безобидны. Они даже казались красивыми. Той особой, лубочной красотой, какую умеет создавать цирк. Арена, залитая светом прожекторов: красный, синий, золотой. Лучи перекрещивались под куполом, как мечи в руках невидимых фехтовальщиков. Пёстрые костюмы униформистов, блёстки на трико, белые перчатки до локтей. Грохот оркестра. Трубы, барабаны, тарелки. И под эту какофонию на арену выходил тигр.

Тогда он был молодым. Шерсть блестела, как свежий шёлк, полосы казались нарисованными тушью, а глаза горели тем живым, янтарным огнём, который бывает только у здорового, сильного хищника. Он прыгал с тумбы на тумбу. Легко, мощно, словно играючи. Хлыст щёлкал в воздухе, но не касался его, только задавал ритм, как метроном. Публика аплодировала, дети на передних рядах вскрикивали от восторга, какой-то мужчина в первом ряду встал и зааплодировал стоя.

— Это пять лет назад, — прокомментировала Мария Ильинична. — Пик карьеры. Они тогда гастролировали по всей области, давали по три представления в день. Вацлав даже получил какую-то местную премию. «За вклад в культуру» или что-то подобное.

— Красиво, — сказал Алексей без выражения. Он смотрел на экран и думал о том, что музыка, вот этот бравурный, медноголосый марш, здесь звучит как насмешка. Как саундтрек к трагедии, которую никто не замечает.

— Красиво, — согласилась она. — А теперь смотрите дальше.

Она закрыла первый файл и открыла второй. Экран на мгновение погас, потом зажёгся снова, и на этот раз изображение было совсем другим.

Вторая камера (та, что снимала за кулисами) была любительской, возможно, даже скрытой. Качество было хуже: зернистое, с дрожащим фокусом, с полосами помех, пробегающими по экрану. Звук резкий, с шипением, но разборчивый. Сначала Алексей увидел только темноту и какие-то ящики, сваленные в углу. Потом камера дёрнулась, наехала, и в кадре появилась клетка. Тесная, узкая, обитая железом. Транспортная клетка-купе, в каких перевозят животных в поездах. Тигр не мог в ней ни развернуться, ни лечь, ни встать в полный рост: его тело, огромное, мускулистое, было зажато между прутьями, как поршень в цилиндре.

Лязг замка. Грубый, с рывкающими интонациями голос с тем особым, хозяйским презрением, какое бывает у людей, считающих себя хозяевами живых душ: «Пошёл, тварь!» Хлыст свистнул в воздухе. Знакомый уже звук, но теперь он не задавал ритм, а просто обрушивался на шкуру. Удар.

Алексей вздрогнул.

Звук удара был сухим, как треск ломающейся ветки. Кожа, шерсть, мясо. Всё это слилось в один короткий, невыносимый хлопок. Тигр взвизгнул. Высоко, жалобно, совсем не по-звериному. Этот звук был настолько человеческим, настолько полным боли и непонимания, что у Алексея похолодели пальцы, сжимавшие кружку. Зверь забился в угол, вжался в прутья, пытаясь стать меньше, незаметнее, исчезнуть. Камера дёрнулась, показывая тяжёлый, подбитый железом на носке сапог, который пинал прутья клетки, заставляя тигра вжиматься ещё сильнее.

— Достаточно? — спросила Мария Ильинична, и её голос впервые дрогнул. В этом дрожании было что-то почти стыдное, словно она извинялась перед гостем за то, что ему приходится это видеть.

— Нет, — сказал Алексей, сам не зная почему. Он не был садистом, не искал чужих страданий. Но что-то в этом видео, в контрасте между яркой ареной и тёмным закулисем, между аплодисментами и визгом, требовало продолжения. Не любопытство. Скорее, чувство долга. Как будто он был свидетелем и не имел права отвернуться. — Покажите всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.